

Е. Н. Дувакин

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3464-6902
E-mail: e.duvakin@gmail.com

Балкано-карпатские связи мифологии народов Кавказа

АННОТАЦИЯ. Мифология народов Кавказа отличается высокой степенью гетерогенности и демонстрирует множественные специфические параллели с европейскими и азиатскими традициями. Одним из направлений этих связей является балкано-карпатский ареал. Исследуя соответствия между распространенными в нем и на Кавказе традициями, мы опираемся на уникальную базу данных, которая содержит резюме около 85 тыс. текстов и сведения о дистрибуции более 3 тыс. фольклорно-мифологических мотивов по 1 тыс. (суб)этнических групп Старого и Нового Света. Наша конечная цель — не систематизация массовых материалов, а извлечение из них исторической информации. В статье мы анализируем распределение четырех крайне редких на мировом фоне мотивов, которые встречаются комплексно, по-видимому, только на Кавказе и в балкано-карпатском ареале. Обнаруженные параллели согласуются с наличием нетривиальных древнегреческо-кавказских сходжений и находят корреляции с данными археологии, лингвистики и палеогенетики о ранних этнокультурных и популяционных процессах в циркумпонтийской зоне, включая сведения о миграции людей ямной культуры в Юго-Восточную Европу и контактах между носителями индоевропейского, северокавказского и картвельского праязыков. Выявление таких соответствий в области фольклора и мифологии позволяет хотя бы отчасти реконструировать набор мотивов, который был характерен в древности для Анатолии и понтийских степей, но оказался там утрачен и остался незафиксированным письменными источниками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фольклор, мифология, Балканы, Карпаты, Кавказ, этническая история

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дувакин Е. Н. Балкано-карпатские связи мифологии народов Кавказа. *Этнография*. 2024. 2 (24): 34–58. doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-34-58

E. Duvakin

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy
of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3464-6902

E-mail: e.duvakin@gmail.com

Balkan and Carpathian Links of the Mythology of the Peoples of the Caucasus

ABSTRACT. The mythology of the peoples of the Caucasus is highly heterogeneous and demonstrates multiple parallels with European and Asian traditions. One of the directions of these links is the Carpathian-Balkan area. Here, we explore them using our database that contains information on the world distribution of more than 3,200 folklore-mythological motifs and includes summaries of ca. 85,000 texts attested in 1,020 oral and written traditions. We focus primarily on the spread of four motifs that are extremely rare in the global context and seem to occur in an integrated manner only in the Caucasus and the Carpathian-Balkan area. These parallels are consistent with the presence of non-trivial connections between ancient Greek mythology and Caucasian folklore traditions. They also find correlations with archeological, linguistic and paleogenetic data on early ethno-cultural and population processes in the circum-Pontic zone, including information on the migration of Yamnaya pastoralists into Southeast Europe and on contacts between speakers of the Indo-European, North Caucasian and Kartvelian proto-languages. The identification of such correspondences in the field of folklore and mythology makes it possible to reconstruct partially the set of motifs that were spread in Anatolia and the Pontic steppes in antiquity, but were lost there and remained unattested in written sources.

KEYWORDS: folklore, mythology,
Balkans, Carpathians, Caucasus, prehistory

FOR CITATION: Duvakin E. Balkan and
Carpathian Links of the Mythology
of the Peoples of the Caucasus. *Etnografia*.
2024. 2 (24): 34–58. (In Russian).
doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-34-58

ВВЕДЕНИЕ

Фольклор и мифология народов Кавказа демонстрируют множественные специфические параллели с европейскими и азиатскими традициями (Березкин 2017а; 2020b; Дувакин 2019; 2020). Одним из ярких и давно замеченных примеров таких связей являются древнегреческо-кавказские соответствия (Абаев 1990: 326–368; Дувакин 2018; Васильков 2020; Vassilkov 2020). Учитывая интерес, который они представляют для изучения ранних культурных взаимодействий, имеет смысл выяснить, насколько эта близость характерна для этнографически зафиксированных традиций балкано-карпатского ареала и какие конкретно выражения и корреляции со сведениями исторических дисциплин она обнаруживает.

В настоящей статье мы, как и прежде, будем опираться на разрабатываемую нами базу данных по фольклору и мифологии народов мира (Березкин, Дувакин б. г.). Сейчас в ней содержатся резюме около 85 тыс. текстов и отражена дистрибуция 3203 мотивов по 1020 традициям Старого и Нового Света. Соответствующая информация извлечена из более чем 9 тыс. публикаций на славянских, германских, романских и других языках. Благодаря такому объему данных можно с высокой степенью надежности говорить о тенденциях в мировом распределении тех или иных мотивов и оценивать степень сходства между разными традициями и ареалами.

Проведенная в последние годы работа позволяет, с одной стороны, существенно уточнить дистрибуцию представлений, уже упоминавшихся в литературе в качестве балкано-карпато-кавказских параллелей (Березкин 2017а: 34; Yermoloff 1907: 343–344), а с другой — отметить специфические схождения, которые, кажется, еще не обсуждались. Мы сосредоточимся на четырех таких соответствиях и рассмотрим их в широком историческом контексте. Нашей главной задачей при этом является не определение степени популярности того или иного мотива в отдельно взятых традициях или ареалах, а прослеживание тенденций в межрегиональном распространении этих элементов фольклора.

ПАСТУХ НА ЛУНЕ

Судя по ареальной дистрибуции в мире, космологический мотив A32D «Человек на луне», согласно которому на лунном диске различима фигура, отпечаток тела либо лицо антропоморфного существа, был известен уже в верхнем палеолите (Березкин 2017b: 52–58, 150–166;

Дувакин, Нуруллин 2022: 367–371)¹. При этом отдельные его варианты отражают культурные реалии, характерные для неолита и более позднего времени, и соответственно обладают более скромным возрастом и узким распространением. Одним из таких мотивов является «Пастух на луне» (A32I) — представление о том, что на луне виден пастух (включая версии, где речь идет о пастухе и девушке либо пастухе вместе со стадом и собаками).

В балкано-карпатском ареале «Пастух на луне» зафиксирован как минимум у болгар, румын, венгров и трансильванских саксов. Болгарские варианты являются самыми многочисленными и часто содержат, кроме того, мотив A32F «Лунная водоноша», который имеет гораздо более широкое межрегиональное распространение: девушка пошла за водой к колодцу; встретила там со своим возлюбленным пастухом и провела с ним ночь; мать ее прокляла; девушка и пастух с посохом оказались на луне (Сливенская и Плевенская обл.: Младенова 2006: 263); лунные пятна — это девушка с ведрами, из которых пьет пастух (Русенская обл.: Младенова 2006: 263); на луне есть пастух со стадом овец (Врацкая обл.: Guga 2010: 41). В румынской версии из Прахова говорится, что на луне можно увидеть чабана с посохом и овцами, а также пришедшую за водой и беседующую с ним женщину (Младенова 2006: 137, 264). Согласно записям, сделанным у венгров Румынии — секеев и чанго, — среди лунных пятен различим пастух, который сушит свои портянки (Dömötör 1982: 18, 223–224; Zsigmond 2003: 431). В фольклоре трансильванских саксов известно поверье о румынском пастухе, оказавшемся на месяце из-за овец. Те пришли к реке на водопой и поднялись по радуге на небо, поэтому он отправился за ними. Луна стала его жилищем, а темные пятна, видимые на ее поверхности, — это портянки, которые пастух повесил сушиться (Siebenbürgische Sagen 1972: 3–4).

Вторым европейским регионом, где встречается указанное представление, является Кавказ. Наиболее ранняя фиксация сделана у абхазов и датируется началом 1870-х годов:

Жил когда-то богатырь Нардсысыргва. У него был глупый брат, которому богатырь поручил пасти свое стадо. Однажды глупец прошел мимо озера и утопил в нем все свое стадо. Узнав о безумном поступке своего брата, богатырь в ярости и отчаянии бросился в бездонное озеро и упал на луну, которая в это время находилась на другой стороне земли. Здесь он нашел свое стадо и до сих пор пасет его. Мы видим теперь его со стадом как черные пятна (Иоакимов 1873; Джапуа 2003: 11).

¹ Здесь и далее номера и названия мотивов приводятся в соответствии с нашей базой данных (Березкин, Дувакин б. г.).

В другом варианте тот же персонаж, нарт Сарсыкуа, устав от преследований со стороны братьев, «одел бурку, взял в руки посох, погнал перед собой стадо мелкого рогатого скота и поднялся на луну», где остался навсегда вместе со своими животными (Джапуа 2003: 299). Еще одна абхазская версия гласит, что на луне заметен пастух Нарджхьюс с намотанными на ногу войлочными портянками и деревянным доильным ведром (Инал-ипа 1977: 36). Поверье о чабане, которого видно на месяце, зафиксировано и у ближайших языковых родственников абхазов — абазин (Абазинские народные сказки 1985: 93).

На Кавказе мотив А32I известен, кроме того, в адыгских, нахско-дагестанских и кыпчакских традициях. Согласно данным, собранным у адыгов, на луне можно разглядеть отары овец, а также пастуха с посохом и собакой (Меретуков 1980: 173; Козьмин 2016: 11). В чеченском тексте мюрид, глядя на луну, задается вопросом: «Ух, как много баранов пасется там... Как справляется пастух?» (Чечено-ингушский фольклор 1940: 203), а в ингушском варианте луна ассоциируется с братом девушки-солнца — Хусеном, который пасет своих овец (Антология ингушского фольклора 2003: 16–17). У даргинцев, судя по упоминанию в повести А. Абу-Бакара «Снежные люди», есть поверье о том, что на месяце виден силуэт пастуха, играющего на дудке Абу-Бакар (1968: 448–449).

Кыпчакские фиксации происходят как из северо-западных, так и из восточных районов Кавказа. Карачаевцы интерпретируют пятна на лунном диске в качестве живущих там чабанов (Каракетов 1999: 237). В ногайской традиции бытует представление о том, что на луне виден пастух, пасущий отару. Если показать на него пальцем, он может решить, что над ним смеются, и наказать (Капаев 2012: 16). По кумыкскому поверью, пятна на полной луне — это чабан, опирающийся на ярлыгу (Булатова 1999: 14).

Еще одно свидетельство можно найти в дневнике Б. Н. Стругацкого, который в 1960 г. работал в экспедиции по поиску места для строительства Большого азимутального телескопа. Описывая один из вечеров на горе Харбаз, неподалеку от Эльбруса, он пишет: «Вчера читал чабанам краткую лекцию по астрономии. <...> Один чабан уверен, что Земля плоская, Солнце вращается вокруг нее, а на Луне сидит голый чабан» (Стругацкие 2022: 53). В другой публикации Стругацкий пересказывает диалог, произошедший между ним и теми пастухами, и сообщает дополнительные подробности: «[П]очему, когда смотришь в трубу, не видно Чабана, Который Сидит На Луне? Какого Чабана? А ты посмотри: видишь, на Луне Чабан сидит — вот его нога, вот голова, вот баран рядом с ним...» (Стругацкий 1995: 202). Учитывая место записи, собеседниками Стругацкого были, скорее всего, кабардинцы или балкарцы.

Будучи ограниченно распространенным в Европе, мотив А32I является еще более редким для Азии. Нам известны лишь два случая

за пределами кавказского и балкано-карпатского ареалов: один из них происходит из Тибета, а другой — из Гиндукуша. В варианте, зафиксированном у монпа округа Таванг, говорится о пастухе, который еженощно молился и бросал ложку молока в сторону луны. Когда он умер, его дух оказался на ней, поэтому месяц светит не столь ярко, как солнце (Pandey 1999: 132). Согласно записанному у калашей поверью, луна однажды спустилась к самой земле. Когда пастухи с козами и собаками перешли на луну, она вновь поднялась в небо. Тех, кто оказался на ней, до сих пор можно видеть во время полнолуния; пятна на лунном диске — это козы (Ali Shah 1974: 72).

РАДУГА ПРЕДСКАЗЫВАЕТ УРОЖАЙ

В классической работе Н. И. Толстого, посвященной названиям радуги в славянских языках, особое место уделено представлению, согласно которому по отдельным цветам этого атмосферного явления можно предсказать урожай тех или иных видов растений (Толстой 1997: 192–193, 208–210). Такое поверье засвидетельствовано у словенцев, хорватов, черногорцев, сербов, македонцев и болгар. В Северной Далмации, к примеру, считают, что «на радуге видны три полосы: синяя — это капуста, овощи; желтая — это растительное масло; красная же означает вино; какая полоса шире — того и уродится больше в поле», а в окрестностях Боки Которской «по краскам, которые видны на радуге, народ толкует, какой урожай у какой культуры будет лучший: по зеленой — растительное масло, по красной — вино, по желтоватой — жито, по синей — озимые, по полужелтоватому — плоды (фрукты) и овощи» (Толстой 1997: 208–209).

К многочисленным южнославянским фиксациям, учтенным у Н. И. Толстого, а также в статье А. В. Гуры (2021: 17–20), можно добавить черногорские материалы П. А. Ровинского, собранные в 1879–1886 гг. Согласно его наблюдениям, цвета радуги интерпретировались следующим образом: «красный (собственно фиолетовый) означает вино, желтый (и оранжевый) — айву и апельсин, а зеленый — жито; и какой цвет преобладает, того плода больше и родится в том году» (Ровинский 1901: 454).

На Балканах это представление, соответствующее нашему мотиву I46B «Радуга предсказывает урожай», известно, кроме того, у албанцев (Толстой 1997: 192; Nahn 1854: 138) и греков. В записи, сделанной в 1839 г. в Коринфии, говорится, что преобладание красной полосы знаменует обилие в текущем году красного вина, желтой — богатый урожай оливок и масла, а зеленой — злаков (Herbert 1869: 55–56). В Фокиде желтый цвет интерпретировался так же, при этом указанием на будущий достаток вина считалось превалирование синего (Politis

1884–1885: 40). По другим греческим данным, приметой хорошего урожая масла являлась яркая зеленая полоса, а свидетельством того, что уродится пшеница, была интенсивная белая (Politis 1884–1885: 39–40).

К северо-востоку от Балканского полуострова этот мотив зафиксирован по крайней мере у румын (Pamfile 2001: 181) и гагаузов (Мошков 1901: 57), а к западу от него — у итальянцев (Yermoloff 1907: 344), сицилийцев (Cannizzaro 1886–1887) и окситанцев Приморских Альп (Andrews 1894: 218). В последнем случае интенсивный красный цвет расценивался как знак хорошего урожая вина, зеленый — пшеницы, а желтый — масла.

Судя по имеющимся у нас данным, единственным регионом мира, в котором мотив I46B засвидетельствован так же обильно, как на Балканах, является Кавказ. По кумыкским представлениям, если весной в радуге превалирует красный цвет, надо ждать много пшеницы, если желтый — много ячменя, а если зеленый — много кукурузы (Гаджиева 1961: 329; Булатова 1999: 116). Похожее толкование есть у терекменцев: если шире красная полоса, то самый высокий урожай даст пшеница, а если шире желтая, то большим будет урожай риса и кукурузы (Гаджиева 1990: 197). Другим азербайджанцам Южного Дагестана мотив тоже известен (Гаджиева 1999: 85–86, 343; Сефербеков 2009: 108).

В аваро-андийских, даргинских и лезгинских традициях преобладание в радуге желтого цвета может считаться указанием на удачный урожай ячменя (лезгины, агулы: Сефербеков 2009: 107; Агульский фольклор... 2014: 251) или кукурузы (андалальцы: Сефербеков 2009: 107), а превалирование в ней зеленого — предвестием хорошего травостоя (андалальцы: Сефербеков 2009: 107), высокого урожая зерновых (рутульцы, буркун-даргинцы: Сефербеков 2014: 173; Сефербеков, Исрапилова 2013: 179) или богатого урожая в целом (андалальцы, хунзахцы, каратинцы, мегебцы: Сефербеков, Шигабудинов 2006: 53; Сефербеков 2009: 107). Данные по табасаранцам не содержат конкретных интерпретаций (Сефербеков 2000: 9), но однозначно свидетельствуют, что разбираемый мотив бытует и у них.

На Южном Кавказе представления о радуге, предсказывающей урожай, распространены у грузин (Джанашвили 1893: 150; Степанов 1893: 142; 1894: 78; Ахвледiani 1909: 47), армян (Фольклор Азербайджана... 1930b: 127–128; Лисицян 1992: 170) и курдов-езидов. В одной из записей, сделанных в Кахетии, говорится: «Если в появившейся на небе радуге больше выделяется зеленого цвета, то предвещается хороший урожай хлеба; если больше будет красного цвета, то предвещается урожай винограда и обилие вина, а если желтого — урожай кукурузы» (Степанов 1894: 78). У армян Нагорного Карабаха гадание включало в себя следующие толкования: «если желтый цвет шире — быть болезням, если красный — быть обильному урожаю вина, если зеленый — жди богатых

всходов хлеба» (Лисицян 1992: 170). В езидской традиции красный цвет радуги считался предвестником жизненных благ и достатка, желтый — богатого урожая пшеницы, а синий — хорошей ясной погоды (Авдал 2011).

За пределами названных регионов мотив I46B задокументирован в Прибалтике. Речь идет об относительно ранней и, вероятно, уникальной литовской записи, сделанной в 1888 г. М. Давайнисом-Сильвестрайтисом. В ней радуга обращается к людям со словами: «[К]огда увидите меня как пояс синий неба, а меньше красный, ну, так в том году будет больше хлеба белого, чем черного. А когда уж я вам покажусь широко красною, ну, тогда в том году больше черного хлеба и год плохой» (Греймас 2021: 317). Наличие других специфических параллелей в области мифологии, связывающих между собой балкано-карпатский, циркумбалтийский и кавказский ареалы (см., в частности, мотивы B33E, B33e1, B52c, B85b, B108, F2 и K22aa, а также примеры в: Дувакин 2020), говорит в пользу того, что и в случае с литовской фиксацией I46B мы имеем дело с исторически обусловленным соответствием.

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ РАДУГУ

На территориях между Пиренейским полуостровом и Приуральем многократно зафиксировано представление, согласно которому человек, соприкоснувшийся определенным образом с радугой, меняет свой пол — мужчина становится женщиной и наоборот (мотив I92 «Радуга меняет пол»; Березкин 2017а: 34). В большинстве записей, сделанных в романских, славянских и тюркских традициях, а также у басков и армян, говорится о том, что для этого нужно пройти или пробежать под радугой. Именно к данному варианту есть отсылки у бургундского поэта второй половины XVI в. Э. Табуро и в комедии П. де Лариве «Обманы», напечатанной в 1611 г. (Sébillot 1904: 91).

К более редким и показательным по своей дистрибуции случаям относится мотив I92a «Прыжок через радугу». Суть его в том, что пол изменит человек, который перепрыгнет или перешагнет через радугу. Варианты с прыжком засвидетельствованы на Балканах у греков (Politis 1884–1885: 38–39), албанцев (Hahn 1854: 138; Elsie 2001: 258) и болгар (Толстой 1997: 207; Izdimirski 2020: 108), на Кавказе у карачаевцев (Чурсин 1903; Pröhle 1909: 267), осетин (Цгоев 2015: 59), грузин-рачинцев (Джапаридзе 1896: 149) и курдов-езидов (запись А. Петросяна, Ереван, 2010 г.), а также в Северном Причерноморье у крымских татар (Сеферова 2020: 53)². Несколько отличающееся по

² Мы глубоко благодарны доктору филологических наук, главному научному сотруднику Института археологии и этнографии НАН РА Армену Петросяну, любезно предоставившему нам свои неопубликованные полевые материалы.

форме, но близкое по сути представление бытует у башкир: «...если мальчик перешагнет радугу, то превратится в девочку, и наоборот» (Хисамитдинова 2010: 43, 128, 312).

ПРЕВРАЩЕНИЕ СТЫДЛИВОЙ НЕВЕСТКИ

Последний мотив, на котором мы остановимся, принадлежит, возможно, к числу эксклюзивных на европейском фоне параллелей между Кавказом и Балканами. В нашей базе он носит условное название «Преобразование стыдливой невестки» (B105) и определен следующим образом: свекор или свекровь застаёт невесту или невестку в положении, которого она стыдится (простоволосой, купающейся и т. п.); от стыда и/или по воле Бога та превращается в птицу либо черепаху. Концовка, как правило, имеет этиологический характер.

На Балканах «Преобразование стыдливой невестки» зафиксировано по крайней мере у болгар. Соответствующие записи сделаны в Бяла-Слатине, Пловдивском и Карловском районах Пловдивской области (Гура 1997: 392), а также в Софии или ее окрестностях (Стойков 1891: 109; Ortenzio 2008: 123). В большинстве вариантов повествуется о молодой невестке, которая стыдится того, что не приготовила для свекра хлеб к обеду. Со стыда она садится на круглую хлебную доску и накрывается квашней. В итоге на свет появляется черепаха (Гура 1997: 392).

На Северном Кавказе и в Закавказье мотив распространен более широко. Варианты с такой же концовкой, как болгарские, записаны у нухинских азербайджанцев, грузин-ингилойцев и цахуров. У последних зафиксировано предание о женщине, которую застал купающейся свекор. Она прикрылась тазиком и превратилась в черепаху (Алиева 2019: 61). В грузинском тексте речь идет о невестке, которая купалась в своей комнате и забыла запереть дверь. Когда к ней заглянула свекровь, девушка от стыда легла на землю, прикрылась циновкой и стала черепахой (Грузинские народные предания... 1973: 146). В азербайджанском варианте рассказывается о невесте, которая купалась в ванне, имевшей форму полушара. Когда неожиданно пришел отец жениха, девушка стала просить Аллаха чем-нибудь ее прикрыть. В результате она превратилась в черепаху, а ванна — в спинной панцирь (Фольклор Азербайджана... 1930b: 4).

В остальных кавказских версиях результатом метаморфозы является возникновение птицы. Согласно рутульскому преданию, свекор застал невестку за расчесыванием волос, и та, смутившись, попросила Бога превратить ее в удода (Свод памятников фольклора... 2012: 235). В армянской записи из Елизаветпольской губернии говорится о девушке, которая месила тесто и, не закончив работы, начала расчесываться. Когда свекор застал ее за этим занятием, она от страха и стыда превратилась в удода

с гребешком на голове (Лалаянц 1904: 205). Похожие варианты зафиксированы у азербайджанцев Ленкоранского уезда (Фольклор Азербайджана... 1930а: 236) и грузин (Берзенов 1850; Грузинские народные предания... 1973: 152), а также в с. Варташен, население которого в конце XIX в. состояло в основном из удинов, армян, азербайджанцев и горских евреев (Бежанов 1892: 215, 255–256). В осетинской версии невестка становится кукушкой (Цгоев 2015: 458–460).

За пределами Балкан и Кавказа мотив В105 засвидетельствован в прикаспийском Иране. У проживающих в Гиляне тальшей бытуют варианты со всеми тремя названными концовками: с превращением в черепаху, удода и кукушку (Тальшские народные предания... 2005: 8–9, 14, 17–18). В одном из них, как и в преданиях нухинских азербайджанцев и ингилойцев, рассказывается о невестке, решившей искупаться. В это время домой вернулся ее свекор. Девушка смутилась и, сидя в корыте, надела на голову тазик. Затем поняла, что этого недостаточно, дабы скрыть наготу, и попросила Бога обратить ее в какое-нибудь животное. Бог внял просьбе и превратил стыдливую девушку в черепаху (Тальшские народные предания... 2005: 17–18).

Еще один вариант из Ирана упомянут Садеком Хедаятом (1958: 308) и не снабжен, к сожалению, информацией об этнической принадлежности и месте записи. В нем говорится о происхождении удода: новобрачная расчесывала перед зеркалом свои волосы; когда неожиданно пришел свекор, она от стыда вместе с гребнем на голове покрылась перьями и улетела. Учитывая имеющиеся документированные данные, происхождение этого текста вполне может быть связано с тальшской традицией. В то же время нельзя исключать, что запись сделана у персов, курдов или азербайджанцев.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Судя по имеющимся сейчас данным, в мире нет других ареалов, кроме балкано-карпатского и кавказского, где распространены сразу все четыре разобранных мотива или хотя бы три из них (см. рис. 1). При этом единственной традицией, в которой они в ходе нашей работы были найдены одновременно, является болгарский фольклор. Если взять более крупные этноязыковые таксоны, таковыми, помимо южных славян, окажутся нахско-дагестанские и тюркские группы Кавказа. В мифологии грузин и у иранских народов региона удалось обнаружить три, а у армян — два из четырех мотивов. На Балканах и в Карпатах последний показатель характерен для новогреческой, албанской и румынской традиций (см. табл.). Как для кавказского, так и для балкано-карпатского ареалов ожидаемым является обнаружение дополнительных фиксаций.

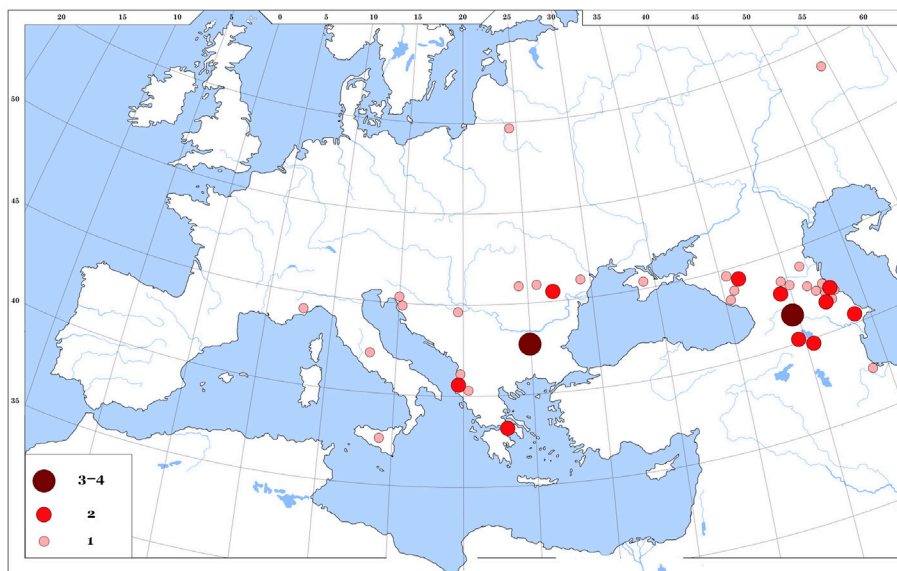

Рис. 1 Сводное распределение мотивов A32I, B105, I46B и I92a. Величина и цвет значков соответствуют числу мотивов (от 1 до 4), зафиксированных в каждой традиции. За пределами изображенного региона: калаша и монпа, у которых встречается по одному из этих мотивов

Fig. 1 Combined distribution of the motifs A32I “Shepherd in the Moon”, B105 “Metamorphosis of a Bashful Daughter-in-Law”, I46B “Colors of the Rainbow Predict the Future Harvest” and I92a “Jump over the Rainbow”. Size and color of the signs correspond to the number of the motifs (from 1 to 4) found in each tradition

Таблица. Дистрибуция разбираемых мотивов по имеющимся в нашей базе данным
Table. Distribution of the motifs under consideration according to our database

Ареал	Традиция	Мотивы			
		A32I	B105	I46B	I92a
Балканы и Карпаты	Болгары	+	+	+	+
	Македонцы	–	–	+	–
	Сербы	–	–	+	–
	Хорваты	–	–	+	–
	Черногорцы	–	–	+	–
	Словенцы	–	–	+	–
	Албанцы	–	–	+	+
	Греки	–	–	+	+
	Румыны	+	–	+	–
	Венгры	+	–	–	–
	Трансильванские саксы	+	–	–	–

Окончание табл.

Ареал	Традиция	Мотивы			
		A32I	B105	I46B	I92a
Кавказ	Адыги	+	-	-	-
	Абхазы	+	-	-	-
	Абазины	+	-	-	-
	Карачаевцы	+	-	-	+
	Ингуши	+	-	-	-
	Чеченцы	+	-	-	-
	Аварцы	-	-	+	-
	Даргинцы	+	-	+	-
	Рутульцы	-	+	+	-
	Цахуры	-	+	-	-
	Агулы	-	-	+	-
	Табасаранцы	-	-	+	-
	Лезгины	-	-	+	-
	Ногайцы	+	-	-	-
	Кумыки	+	-	+	-
	Терекеменцы	-	-	+	-
	Азербайджанцы	-	+	+	-
	Осетины	-	+	-	+
	Грузины	-	+	+	+
	Армяне	-	+	+	-
Курды	-	-	+	+	
Северное Причерноморье	Крымские татары	-	-	-	+
	Гагаузы	-	-	+	-
Приуралье	Башкиры	-	-	-	+
Прибалтика	Литовцы	-	-	+	-
Южная Европа	Итальянцы	-	-	+	-
	Окситанцы	-	-	+	-
	Сицилийцы	-	-	+	-
Иран	Талыши	-	+	-	-
Гиндукуш	Калашы	+	-	-	-
Тибет	Монпа	+	-	-	-

За пределами указанных регионов по одному мотиву из обсуждаемой группы было найдено в Южном Приуралье, Северном Причерноморье, Прибалтике, Южной Европе, Иране, Гиндукуше и Южном Тибете. Вне Евразии параллели, по-видимому, отсутствуют.

Специфические связи в области мифологии между Балканами и Карпатами, с одной стороны, и Кавказом — с другой, не ограничиваются рассмотренными мотивами (см. также эксклюзивные на европейском фоне схождения в виде B12, E41A, I132B, G8D, M113a, L23A) и соответствуют результатам статистической обработки массовых данных (Березкин 2020а: 47–48). Особые балкано-кавказские параллели прослеживаются и в других сферах культуры, включая традиционную обрядность, обычное право и народную музыку (Якубов 1972; Иванова 1976; 1989; Жордания 1988: 26–27; Цицишвили 1991; Толстой 1995: 120–121, прим. 9; Нейкова 2017; Eckert 1951; Stockmann 1956; Komorovsky 1971; Koleva 1972). В целом не только количество и нетривиальный характер мотивов, но и более широкий этнографический контекст делают маловероятным то, что обнаруженные соответствия имеют случайную природу, и заставляют искать объяснение им в исторической плоскости.

Полученные данные свидетельствуют, что между социальными и хозяйственными факторами, с одной стороны, и набором элементов мифологии — с другой, нет жесткой корреляции. Наличие земледелия, скотоводства и обычаев избегания невесткой свекра делают возможным, но не определяют присутствие в культуре таких мотивов, как «Радуга предсказывается урожаем», «Пастух на луне» и «Превращение стыдливой невестки». Для большинства соответствующих традиций мира эти эпизоды и образы нехарактерны.

Чтобы наметить спектр факторов, которые могли оказать влияние на сложение наблюдаемой картины, надо обратиться к данным других исторических дисциплин. Сопутствующей задачей является определение того, какой потенциальной хронологической глубиной в рамках конкретных регионов и языковых общностей обладают мотивы, связанные с земледелием и пастушеством. При этом нельзя, конечно, забывать о том, что не всякая теоретическая возможность имела воплощение в реальности.

Очевидно, что мотив A32I не мог распространиться в балкано-карпатском и северокавказском ареалах раньше, чем там появилось скотоводство. На территории Болгарии, где «Пастух на луне» зафиксирован неоднократно, соответствующие свидетельства имеют возраст около 8400 кал. л. н. (поселение Копривец в Русенской обл.: Zeder 2017: 273, 275, 278). На Северном Кавказе они встречаются с первой половины VI тыс. до н. э. (поселение Чох в горном Дагестане: Амирханов 1987: 150–155, 176–179). Эти даты дают нам *terminus post quem* для мотива A32I в указанных регионах.

В северокавказском праязыке, разделившемся на абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую ветви в первой половине IV тыс. до н. э. (Kassian 2010: 315, 424, 426–427), имелся относительно богатый набор скотоводческой лексики, включая термины со значением ‘овца’, ‘коза’, ‘цедить, доить’, ‘пасти’ (Старостин 2007: 291–297, 310). Понятия, свидетельствующие о пастушеском скотоводстве, реконструируются и для праиндоевропейского (Mallory, Adams 2006: 134–135, 139–141, 151–153, 257, 264, 283), распад которого произошел примерно в то же время (Kassian et al. 2021). По-видимому, ничего не противоречит тому, что «Пастух на луне» мог быть известен как ранним индоевропейцам, так и общим языковым предкам абхазов, абазин, адыгов, вайнахов и даргинцев, у которых он был задокументирован в последние полтора столетия.

Второй «сельскохозяйственный» мотив — это I46B «Радуга предсказывает урожай». Учитывая ареальную дистрибуцию и тематическую привязку, его первоначальное распространение допустимо связывать с миграциями и взаимодействиями древних земледельцев, происходившими в циркумпонтийской зоне после неолитизации Балкан и Кавказа в VII–VI тыс. до н. э. Поскольку связующим звеном, очевидно, выступала Анатолия, обнаружение этого мотива в малоазийских клинописных текстах стало бы ожидаемым и показательным, однако те, к сожалению, ничего не сообщают о представлениях, которые были связаны с радугой и встречались у хаттов, хеттов и других групп региона. Археологические же данные, косвенно имеющие отношение к делу, говорят о том, что уже неолитические жители Южного Кавказа и Балкан выращивали по несколько видов злаков и зернобобовых (Kiguradze 2001: 57, 66, 71, 75–76; Ivanova et al. 2018), а также занимались производством вина (памятники шулавери-шомутепинской культуры в Грузии, ок. 6000–5800 г. до н. э., и поселение Дикили-Таш в северо-восточной Греции, ок. 4300 г. до н. э.: Garnier, Valamoti 2016; McGovern et al. 2017). Виноград, судя по недавнему исследованию, был domestцирован независимо в двух центрах, и одним из них, наряду с Левантом, являлся именно Кавказ (Dong et al. 2023).

Что касается лингвистических свидетельств, то для языковых предков групп, у которых сделано большинство фиксаций I46B, а именно для индоевропейского и северокавказского праязыков, реконструируются как названия злаков, включая ячмень и пшеницу, так и другая земледельческая лексика (Старостин 2007: 298–302, 310; Mallory, Adams 2006: 163–169). Терминология, восстанавливаемая для пракартвельского, является менее обильной, но тоже говорит о наличии земледелия у его носителей (Klimov 1998: 11, 69, 106, 200–201, 227, 333). Все это вкуче с археологическими данными означает, что мотив «Радуга предсказывает урожай», подобно «Пастуху на луне», мог распространиться

в циркумпонтийской зоне уже в эпоху энеолита, а потенциально уходит своими корнями в неолитическое время³.

Еще одним штрихом к реконструкции исторического контекста, в рамках которого происходило формирование балкано-карпато-кавказских параллелей, служит наличие ранних контактов между носителями соответствующих (пра)языков. Речь идет среди прочего об индоевропеизмах в пракартвельском и прагрузинско-занском (в том числе в области земледельческой и винодельческой лексики: Климов 1994: 40–163; Старостин 2007: 818–819) и северокавказских заимствованиях в праиндоевропейском (включая некоторые скотоводческие термины: Старостин 2007: 310–358, 818; Bomhard 2019; 2023). Существенно, что взаимодействия между индоевропейцами и носителями северокавказских и родственных им языков имели место не только в Северном Причерноморье, Анатолии и на Кавказе, но и, по-видимому, в балкано-карпатском ареале. В пользу этого свидетельствуют данные, предполагающие наличие «эускаро-кавказского» субстратного слоя в древнегреческом (Bengtson, Leschber 2021), болгарском и румынском (в первую очередь в области пастушеской терминологии: Николаев 1984; Лешбер 2021; 2022; Leschber 2021). Вполне вероятно, что совокупность перечисленных факторов повлияла как на появление мифологических параллелей между античной и кавказскими традициями (Дувакин 2018; Васильков 2020; Vassilkov 2020), так и на дистрибуцию мотивов A32I, I46B и I92a.

Археологические и палеогенетические данные свидетельствуют о многочисленных процессах, которые могли способствовать распространению одинаковых элементов фольклора в цепи регионов, состоящей из Анатолии, Балкан, Карпат, Северного Причерноморья и Кавказа, и сыграть роль в формировании рассматриваемых нами соответствий. Для мотивов A32I и I46B, как уже было сказано, актуальными являются сведения начиная с неолита, а в случае I92a и ряда других параллелей, потенциальный возраст которых не ограничен скотоводческими и земледельческими реалиями, релевантны и более ранние материалы. К числу процессов, которые стоит учитывать, относятся:

- 1) миграция носителей культуры Караина В из юго-западной Анатолии через балканское побережье до Крыма во время бёллингского потепления, приведшая к появлению там шан-кобинских памятников, и продвижение шан-кобинского населения на Кавказ в тот же период или в аллереде, т. е. в XIII–XII тыс. до н. э. (Манько, Чхатарашвили 2021);

³ Естественно, что конкретные виды интерпретаций, основанных на мотиве I46B, с течением времени изменялись и дополнялись — в том числе за счет относительно поздних интродукций (например, апельсина и кукурузы).

- 2) миграция носителей кобулетской и даркветской культур с территории Западной Грузии в Крым и Приазовье и их дальнейшее расселение вплоть до устья Днестра в VIII–VII тыс. до н. э. (Манько, Чхатарашвили 2020; 2021; Manko, Chkhatarashvili 2022);
- 3) миграция ранних земледельцев и скотоводов из Анатолии в северо-восточные и северо-западные районы Балкан в VII–VI тыс. до н. э., значительно повлиявшая на генофонд этой части Европы (Mathieson et al. 2018);
- 4) постепенное увеличение доли закавказско-иранского аутосомного компонента (CHG) в Анатолии на протяжении VI–II тыс. до н. э. и его проникновение в европейские степи через Северо-Восточный Кавказ не позднее V тыс. до н. э. (Kozintsev 2019: 322–331, 353–354; Wang et al. 2019; Lazaridis et al. 2022);
- 5) зарождение в IV тыс. и расцвет в III тыс. до н. э. Циркумпонтийской металлургической провинции — сложной системы производственных центров и зоны интенсивных контактов, охватившей Черное море со всех сторон (Черных 2013: 149–210);
- 6) миграция представителей ямной культурно-исторической общности в балкано-карпатский ареал на рубеже IV–III тыс. до н. э., которая привела к появлению там ряда степных традиций (Григорьев 2022: 200–201, 204) и увеличению долей закавказско-иранского и степного (EHG) аутосомных компонентов в местном генофонде (Mathieson et al. 2018; Lazaridis et al. 2022), а также способствовала дрейфу культуры в обратном направлении (Григорьев 2022: 201).

Приведенный список, разумеется, неполон и может быть существенно расширен — особенно за счет более поздних процессов. Объем статьи не позволяет этого сделать, и мы подчеркнем лишь тот факт, что миграции, оказавшие потенциальное влияние на сложение специфических балкано-карпато-кавказских параллелей (не только в мифологии, но и в других сферах культуры), начались задолго до эпохи Античности и прослеживаются как минимум с конца плейстоцена.

Возвращаясь к фольклорным данным, следует обратить внимание на то, что A32I, B105, I46B и I92a встречаются также в ряде кыпчакских и огузских традиций. Распределение фиксаций в Европе и их отсутствие в Центральной Азии и Сибири указывают на то, что тюрки познакомились с этими мотивами уже после переселения в понтийско-каспийские степи и на Кавказ. В то же время они могли сыграть важную роль в распространении двух из них, A32I и B105, на территориях между Паннонией и Дагестаном. Нельзя исключать, что данные мотивы попали в балкано-карпатский ареал вместе с тюрками, которые мигрировали из Великой Булгарии в VII в. и были затем ассимилированы славянами. Еще

один допустимый вариант — проникновение А32I в Подунавье с венграми и опять же булгарами в ходе «завоевания родины» в IX в.

Какому бы сценарию ни отдать предпочтение, речь будет идти о том, что разобранные мотивы некогда (пусть и недолгое время, если говорить о быстрых миграциях) встречались также в буферных зонах, то есть в Анатолии и/или понтийских степях. Иных исторически приемлемых вариантов, по-видимому, не существует. Балкано-карпато-кавказские связи приоткрывают, таким образом, завесу над тем, какой набор представлений и нарративов был характерен для традиций, которые бытовали в соседних регионах, но оказались там утрачены и остались незафиксированными. Полученные данные согласуются с наличием особых параллелей, объединяющих Кавказ с другими отдаленными ареалами, и в очередной раз свидетельствуют, что он является не только «горой языков», но и одним из богатейших в Евразии рефугиумов фольклора и мифологии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИЯКФ — Индоевропейское языкознание и классическая филология. Санкт-Петербург
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И.* Избранные труды. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
- Абазинские народные сказки / сост., пер. с абазинск., вступ. ст. и примеч. В. Б. Тугова. М.: Наука, 1985. 411 с.
- Абу-Бакар А.* Повести. М.: Известия, 1968. 488 с.
- Авдал А.* Культы и верования курдов-езидов (очерки). Ч. II. 29.08.2011. URL: <http://kurdist.ru/2011/08/29/амине-авдал-культы-и-верования-курдов-2> (дата обращения: 20.05.2023).
- Агульский фольклор / сост. Ш. А. Мазанаев, З. М. Базиева. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. 262 с.
- Алиева Ф. А.* Архаический мотив запрета и его функциональные особенности в жанрах фольклора // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. 2019. № 18. С. 60–65.
- Амирханов А. Х.* Чохское поселение. М.: Наука, 1987. 224 с.
- Антология ингушского фольклора. Т. 1 / сост., пер. и комм. И. А. Дахкильгова. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 243 с.
- Ахведиани Д. Ф.* Население Кахетии (Алазанская долина). Тифлис: Тип. Г. М. Ротинианца, 1909. 59 с.
- Бежанов М.* Краткие сведения о с. Варташен и его жителях // СМОМПК. 1896. Вып. XIV. Отд. 1. С. 213–262.
- Березкин Ю. Е.* Кизил в контексте циркумпонтийских фольклорных параллелей // Acta Linguistica Petropolitana. 2017a. Т. XIII (2). С. 27–39.

Березкин Ю. Е. Рождение звездного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2017б. 316 с.

Березкин Ю. Е. Восточнославянский фольклор в евразийском контексте // Славяноведение. 2020а. № 6. С. 41–55.

Березкин Ю. Е. Кавказ как фольклорный заповедник и перекресток // «Нарты» и другие устные традиции: Сборник в честь 60-летия Зураба Джапуа / сост. С. О. Хаджим, Н. С. Барциц. Сухум: Абгосиздат, 2020б. С. 220–237.

Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 30.07.2023).

Берзенов Н. Удод. Поверье грузин // Кавказ. 1850. № 54. С. 213.

Булатова А. Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 285 с.

Васильков Я. В. Абхазский сюжет о прикованном Абрскиле в контексте мирового фольклора // «Нарты» и другие устные традиции: Сборник в честь 60-летия Зураба Джапуа / сост. С. О. Хаджим, Н. С. Барциц. Сухум: Абгосиздат, 2020. С. 40–60.

Гаджиева С. Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 387 с.

Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы. М.: Наука, 1990. 216 с.

Гаджиева С. Ш. Дагестанские азербайджанцы. М.: Восточная литература, 1999. 359 с.

Греймас А. Ю. О богах и людях: Исследования по литовской мифологии. В поисках народной памяти. М.: Индрик, 2021. 648 с.

Григорьев С. А. Миграции степных племен в Европу в конце IV–III тыс. до н. э. и формирование культур шнуровой керамики // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. № 2. С. 194–210.

Грузинские народные предания и легенды / сост. Е. Б. Вирсаладзе. М.: Наука, 1973. 367 с.

Гура А. В. Цветовая символика летающего змея (лужицко-восточнославянские и южнославянские параллели) // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. 2 / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 9–25.

Джанашивили М. Г. Картвельские поверья // СМОМПК. 1893. Вып. XVII. Отд. 2. С. 144–173.

Джапаридзе Г. Народные праздники, обычаи и поверья рачинцев // СМОМПК. 1896. Вып. XXI. Отд. 2. С. 107–150.

Джапуа З. Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрскиле. Сухум: Алашара, 2003. 375 с.

Дувакин Е. Н. Греко-латинско-кавказские связи в области мифологии на евразийском фоне // ИЯКФ. 2018. Т. 22. С. 452–463.

Дувакин Е. Н. Кельто-кавказские фольклорные параллели и возможные сценарии их происхождения // ИЯКФ. 2019. Т. 23. С. 295–307.

Дувакин Е. Н. Узлы ветров и корни гор: степные истоки североευропейских мотивов // ИЯКФ. 2020. Т. 24. С. 24–40.

Дувакин Е. Н., Нуруллин Р. М. Лев на луне: месопотамские космологические мотивы в сравнительной перспективе // ИЯКФ. 2022. Т. 26. С. 353–375.

Жордания И. М. Народное многоголосие, этногенез и расогенез // Советская этнография. 1988. № 2. С. 24–33.

Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа // Балканские исследования / Отв. ред. Г. Л. Арш. М.: Наука, 1976. С. 231–238.

Иванова Ю. В. Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / отв. ред. А. С. Мыльников. Л.: Наука, 1989. С. 139–153.

Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми: Алашара, 1977. 199 с.

Иоакимов А. Предрассудки моих учеников. (Из жизни пансионеров Сухумской горской школы) // Кавказ. 1873. № 54. С. 2.

Капаев И. С. Ногайские мифы, легенды и поверья. М.: Голос-Пресс, 2012. 424 с.

Каракетов М. Д. Космогонические мотивы в эзотерическом ритуале карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология) / отв. ред. С. А. Арутюнов. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 199–274.

Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Наследие, 1994. 249 с.

Козьмин А. В. Материалы по этнографии и мифологии адыгейского аула Уляп // Живая старина. 2016. № 1 (89). С. 9–11.

Лалаянц Е. А. Народные предания о животных у армян Елизаветопольской губернии // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. 1904. Т. XVII. № 1. С. 203–208.

Лешбер К. Опыт классификации языка древнейшего пастушеского населения в Юго-Восточной Европе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 4. С. 154–176.

Лешбер К. Към произхода на някои български пастирски термини // Български език. 2022. Год. LXX. Кн. 3. С. 58–77.

Лисицян С. Д. Армяне Нагорного Карабаха. Ереван: Изд-во АН Армении, 1992. 239 с.

Манько В., Чхатарашвили Г. Раннеголоценовая стоянка Джварцхма в Западной Грузии // Revista Arheologică. 2020. Vol. 16 (1). P. 63–77.

Манько В. А., Чхатарашвили Г. Л. Стоянка Сосруко: проблемы интерпретации каменных комплексов // Camera praehistorica. 2021. № 2 (7). С. 36–57.

Меретуков К. Х. О некоторых космонимах адыгейского языка // Ономастика Кавказа / отв. ред. Т. А. Гуриев. Орджоникидзе: СОГУ, 1980. С. 173–176.

Младенова Д. Звездното небе над нас: Етнолингвистично изследване на балканските народни астроними. София: Проф. Марин Дринов, 2006. 421 с.

Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1901. Кн. LI. № 4. С. 1–80.

Нейкова Р. Г. Калуш и Чопа / Цоппай. Балкано-кавказские фольклорные параллели // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 23 (62). С. 21–45.

Николаев С. Л. «Кавказоидные» элементы палеобалканского субстрата // Античная балканистика: Карпато-балканский регион в диахронии / редкол.: С. Б. Бернштейн и др. М.: Наука, 1984. С. 29–31.

Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1901. Т. II. Ч. 2. 646 с.

Садек Хедаят. Нейрангистан // Переднеазиатский этнографический сборник. I / отв. ред. О. Л. Вильчевский и А. И. Першиц. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 259–336.

Свод памятников фольклора народов Т. 4: Мифологическая проза / отв. сост. М. Р. Халидова. Дагестана. М.: Наука, 2012. 294 с.

Сефербеков Р. И. Традиционные религиозные представления табасаранцев. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 60 с.

Сефербеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана. Махачкала: ДИНЭМ, 2009. 407 с.

Сефербеков Р. И. Из мифологии рутульцев: реконструкция образов пантеона и пандемониума // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 12 (50). Ч. 2. С. 172–181.

Сефербеков Р. И., Исраилова З. А. Мифологические персонажи традиционных верований буркун-даргинцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2013. № 10 (36). Ч. 2. С. 178–181.

Сефербеков Р. И., Шигабудинов Д. М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала: Наука плюс, 2006. 160 с.

Сеферова Э. Э. Генезис и функции инициальных мотивов в крымско-татарском сказочном эпосе // Филология: научные исследования. 2020. № 2. С. 50–57.

Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. 924 с.

Степанов И. С. Поверья грузин Телавского уезда // СМОМПК. 1893. Вып. XVII. Отд. 2. С. 124–143.

Степанов И. С. Приметы и поверья грузин Телавского уезда Тифлисской губернии // СМОМПК. 1894. Вып. XIX. Отд. 2. С. 78–103.

Стойков Д. Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобвявания. От Софийско // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София: Държавна печатница, 1891. Кн. V. С. 109–110.

Стругацкие А. и Б. Комментарии к пройденному. М.: АСТ, 2022. 320 с.

Стругацкий Б. Большой вопрос (Бесполезные заметки) // Ключ. Литературный альманах / ред.-сост. Е. Звягин. СПб.: ЭЗРО, 1995. С. 188–207.

Талышские народные предания и сказки / пер. с перс. и фр. А. Киракосян; под ред. и с предисл. Г. Асатряна. Ереван: Кавказский центр иранистики, 2005. 64 с.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Толстой Н. И. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. I. 520 с.

Фольклор Азербайджана и прилегающих стран / под ред. А. В. Багрия. Баку: Изд-во АЗГНИИ, 1930а. Т. 1. 303 с.

Фольклор Азербайджана и прилегающих стран / под ред. А. В. Багрия. Баку: Изд-во АЗГНИИ, 1930б. Т. 3. 256 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

Цгоев Х. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 599 с.

Цицишвили Н. Г. Южнославянско-грузинские музыкально-этнографические параллели // Советская этнография. 1991. № 2. С. 114–123.

Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М.: ЯСК, 2013. Т. 1. 368 с.

Чечено-ингушский фольклор. М.: Худ. лит., 1940. 287 с.

Чурсин Г. Обычаи и предрассудки карачаевцев // Кавказ. 1903. № 24. С. 3.

Якубов М. Болгария — Дагестан // Болгария — СССР. Диалог о музыке / сост. и ред. И. А. Слепнева и В. И. Зака. М.: Сов. композитор, 1972. С. 83–133.

Ali Shah W. Notes on Kalash folklore // Cultures of the Hindukush / ed. by K. Jettmar. Wiesbaden: F. Steiner, 1974. P. 69–80.

Andrews J.-B. Traditions, superstitions et coutumes du Mentonnais (Alpes-Maritimes) // Revue des traditions populaires. 1894. Т. 9 (3–4). P. 213–220.

Bengtson J. D., Leschber C. Notes on some Pre-Greek words in relation to Euskaro-Caucasian (North Caucasian + Basque) // Journal of Language Relationship. 2021. Vol. 19 (2). P. 71–98.

Bomhard A. R. The origins of Proto-Indo-European: The Caucasian substrate hypothesis // Journal of Indo-European Studies. 2019. Vol. 47. No. 1–2. P. 9–124.

Bomhard A. R. Prehistoric language contact on the steppes: The case of Indo-European and Northwest Caucasian. Florence, SC USA: n. p., 2023. 146 p.

Cannizzaro T. L'arc-en-ciel. XXVIII: En Sicile // Mélusine. 1886–1887. Т. 3. P. 233.

Dong Y. et al. Dual domestications and origin of traits in grapevine evolution // Science. 2023. Vol. 379 (6635). P. 892–901.

Dömötör T. Hungarian folk beliefs. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1982. 324 p.

Eckert G. Das Regenmädchen. Eine mazedonisch-kaukasische Parallele // Jahrbuch des Linden-Museums. 1951. Bd. 1. S. 98–101.

Elsie R. A Dictionary of Albanian religion, mythology, and folk culture. London: C. Hurst & Co, 2001. 357 p.

Garnier N., Valamoti S. M. Prehistoric wine-making at Dikili Tash (Northern Greece): Integrating residue analysis and archaeobotany // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 74. P. 195–206.

Gura A. V. On the methods of constructing a mythological text: Slavic folk beliefs regarding the spots on the Moon // Folklore (Tartu). 2010. Vol. 44. P. 35–50.

Hahn J. G. von. Albanesische Studien. Jena: F. Mauke, 1854. Heft III. 241 S.

Herbert H. J. G. Reminiscences of Athens and the Morea: Extracts from a journal of travels in Greece in 1839. London: J. Murray, 1869. 230 p.

Ivanova M., De Cupere B., Ethier J., Marinova E. Pioneer farming in Southeast Europe during the early sixth millennium BC: Climate-related adaptations in the exploitation of plants and animals // PLoS ONE. 2018. Vol. 13 (5): e0197225.

Izdimirski M. The rainbow in Bulgarian folklore // Anthropology. 2020. Vol. 7. P. 98–117.

Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian language // Ugarit-Forschungen. 2010. Bd. 41. P. 309–447.

Kassian A. S., Zhivlov M., Starostin G., Trofimov A. A., Kocharov P. A., Kuritsyna A., Saenko M. N. Rapid radiation of the inner Indo-European languages: An advanced approach to Indo-European lexicostatistics // Linguistics. 2021. Vol. 59. No. 4. P. 949–979.

Kiguradze T. Caucasian Neolithic // Encyclopedia of Prehistory / ed. by P. N. Peregrine and M. Ember. New York: Springer, 2001. Vol. 4. P. 55–76.

Klimov G. A. Etymological dictionary of the Kartvelian languages. Berlin; New York: de Gruyter, 1998. 504 p.

Koleva T. A. Parallèles balkano-caucasiens dans certains rites et coutumes // Ethnologia Slavica. 1972. T. III. P. 181–202.

Komorovsky J. Kaukasische Parallelen der Begräbnis-Gebräuche von Crna Gora (Montenegro) // Ethnologia Slavica. 1971. T. II. P. 177–187.

Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The prologue // Journal of Indo-European Studies. 2019. Vol. 47. No. 3–4. P. 293–380.

Lazaridis I. et al. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe // Science. 2022. Vol. 377. No. 6609: eabm4247.

Leschber C. Bulgarische Lexik in einem multifaktoriellen makrokomparativistischen Kontext // Linguistique balkanique. 2021. T. LX (1). P. 40–51.

Mallory J. P., Adams D. Q. The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. 760 p.

Manko V. O., Chkhatarashvili G. L. Transcaucasia and Neolithic of south of Eastern Europe // Arheologia. 2022. No. 2. P. 19–52.

Mathieson I. et al. The genomic history of Southeastern Europe // Nature. 2018. Vol. 555. P. 197–203.

McGovern P. et al. Early Neolithic wine of Georgia in the South Caucasus // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2017. Vol. 114 (48). P. E10309–E10318.

Ortenzio A. Contes et légendes des Balkans. Paris: Flies France, 2008. 223 p.

Pamfile T. Văzduhul după credințele poporului român. București: Paideia, 2001. 192 p.

Pandey B. D. Myths and beliefs on creation of universe among the tribes of Arunachal Pradesh. Itanagar: Government of Arunachal Pradesh, 1999. 134 p.

Politis N. G. L'arc-en-ciel en Grèce // Mélusine. 1884–1885. T. 2. P. 38–41.

Pröhle W. Karatschajische Studien // Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. 1909. T. 10. P. 215–304.

Sébillot P. Le folk-lore de France. Paris: E. Guilmoto, 1904. T. 1. 489 p.

Siebenbürgische Sagen / Hrsg. von F. Müller. Neue erweit. Ausg. von M. Orend. Göttingen: Schwartz & Co, 1972. 509 S.

Stockmann E. Kaukasische und albanische Mehrstimmigkeit // Bericht über den Internationalen musikwissenschaftlichen Kongress, Hamburg 1956 / Hrsg. von W. Gerstenberg et al. Kassel: Bärenreiter-Verlag, 1957. S. 229–231.

Vassilkov Ya. Heroes, kings and monsters in a cave under the mountain (Indo-Europeans and the Caucasus) // Journal of Indo-European Studies. 2020. Vol. 48. No. 3–4. P. 445–470.

Wang C.-C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. 2019. Vol. 10. No. 590. P. 1–13.

Yermoloff A. Les traditions populaires de la Russie // Revue des traditions populaires. 1907. T. 22 (10). P. 337–354.

Zeder M. A. Out of the Fertile Crescent: The dispersal of domestic livestock through Europe

and Africa // Human Dispersal and Species Movement / ed. by N. Boivin, R. Crassard, and M. Petraglia. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2017. P. 261–303.

Zsigmond G. Popular cosmology and beliefs about celestial bodies in the culture of the Hungarians from Romania // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2003. Vol. 48 (3–4). P. 421–439.

REFERENCES

Abaev V. I. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Vladikavkaz: Ir Publ., 1990. (In Russian).

Ali Shah W. Notes on Kalash folklore. *Cultures of the Hindukush*. Wiesbaden: F. Steiner, 1974, pp. 69–80. (In English).

Amirkhanov A. Kh. *Chokhskoe poseleniye* [The Chokh settlement]. Moscow: Nauka Publ., 1987. (In Russian).

Bengtson J. D., Leschber C. Notes on some Pre-Greek words in relation to Euskaro-Caucasian (North Caucasian + Basque). *Journal of Language Relationship*, 2021, vol. 19 (2), pp. 71–98. (In English).

Berezkin Yu. E. [Dogwood in the context of circum-Pontic folklore parallels]. *Acta Linguistica Petropolitana*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2017, vol. 13 (2), pp. 27–39. (In Russian).

Berezkin Yu. E. *Rozhdeniye zvezdnogo neba: predstavleniya o nochnykh svetilakh v istoricheskoy dinamike* [The birth of the starry sky: Ideas about the night luminaries in historical dynamics]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2017. 316 p. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [Eastern-European folklore in Eurasian context]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], 2020, no. 6, pp. 41–55. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [The Caucasus as a folklore reserve and a crossroads]. “Narty” i drugie ustnyye traditsii [Nart sagas and other oral traditions]. Sukhum: Abgosizdat Publ., 2020, pp. 220–237. (In Russian).

Bomhard A. R. *Prehistoric language contact on the steppes: The case of Indo-European and Northwest Caucasian*. Florence, SC USA: n. p., 2023. 146 p. (In English).

Bomhard A. R. The origins of Proto-Indo-European: The Caucasian substrate hypothesis. *Journal of Indo-European Studies*, 2019, vol. 47 (1–2), pp. 9–124. (In English).

Chernykh E. N. *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziyskogo mira* [Nomadic cultures in the megastructure of the Eurasian world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2013, vol. 1. (In Russian).

Dong Y. et al. Dual domestications and origin of traits in grapevine evolution. *Science*, 2023, vol. 379 (6635), pp. 892–901. (In English).

Duvakin E. N. [Ancient Greek — Latin — Caucasian mythological links in the Eurasian context]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2018, vol. 22, pp. 452–463. (In Russian).

Duvakin E. N. [Celtic — Caucasian folklore parallels and possible scenarios for their origin]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2019, vol. 23, pp. 295–307. (In Russian).

Duvakin E. N. [Wind knots and stone roots: a steppe influence on North European folklore]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2020, vol. 24, pp. 24–40. (In Russian).

Duvakin E. N., Nurullin R. M. [The lion in the Moon: Mesopotamian cosmological motifs in a comparative perspective]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2022, vol. 26, pp. 353–375. (In Russian).

Eckert G. Das Regenmädchen. Eine mazedonisch-kaukasische Parallele. *Jahrbuch des Linden-Museums*, 1951, Bd. 1, S. 98–101. (In German).

Garnier N., Valamoti S. M. Prehistoric wine-making at Dikili Tash (Northern Greece): Integrating residue analysis and archaeobotany. *Journal of Archaeological Science*, 2016, vol. 74, pp. 195–206. (In English).

Grigoriev S. A. [Migrations of the steppe tribes to Europe in the late 4th — 3rd millennium BC and formation of the Corded Ware cultures]. *Ufimskij arkheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald], 2022, vol. 22 (2), pp. 194–210. (In Russian).

Gura A. V. [Color symbolism of the flying serpent (Lusatian–East Slavic and South Slavic parallels)]. *Slavianskie arkhaischeskie arealy v prostranstve Evropy* [Slavic archaic areas in the space of Europe]. Moscow: Indrik Publ., 2021, vol. 2, pp. 9–25. (In Russian).

Ivanova M., De Cupere B., Ethier J., Marinova E. Pioneer farming in Southeast Europe during the early 6th millennium BC: Climate-related adaptations in the exploitation of plants and animals. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13 (5), e0197225, pp. 1–23. (In English).

Ivanova Yu. V. [Behavioral stereotypes: the rite of reconciliation in the context of the blood feud in the mountainous areas of the Balkans and Caucasus]. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of symbolic elements of culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 139–153. (In Russian).

Ivanova Yu. V. [Hospitality among the mountain peoples of the Balkan peninsula and the Caucasus]. *Balkanskiye issledovaniya* [Balkan studies]. Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 231–238. (In Russian).

Kassian A. Hattic as a Sino-Caucasian language. *Ugarit-Forschungen*. Herstellung: Hubert & Co; Göttingen, 2010, vol. 41, pp. 309–447. (In English).

Kassian A. S., Zhivlov M. et al. Rapid radiation of the inner Indo-European languages: An advanced approach to Indo-European lexicostatistics. *Linguistics*, 2021, vol. 59, no. 4, pp. 949–979. (In English).

Kiguradze T. Caucasian Neolithic. *Encyclopedia of Prehistory*. New York: Springer, 2001, vol. 4, pp. 55–76. (In English).

Klimov G. A. *Drevneyshiy indoyevropeizmy kartvel'skikh yazykov* [The oldest Indo-European loans in Kartvelian languages]. Moscow: Nasledie Publ., 1994. (In Russian).

Klimov G. A. *Etymological dictionary of the Kartvelian languages*. Berlin; New York: de Gruyter, 1998. (In English).

Koleva T. A. Parallèles balkano-caucasiens dans certains rites et coutumes. *Ethnologia Slavica*. 1972, vol. 3, pp. 181–202. (In French).

Komorovsky J. Kaukasische Parallelen der Begräbnis-Gebräuche von Crna Gora (Montenegro). *Ethnologia Slavica*, 1971, vol. 2, pp. 177–187. (In German).

Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The prologue. *Journal of Indo-European Studies*, 2019, vol. 47 (3–4), pp. 293–380. (In English).

Lazaridis I. et al. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe. *Science*, 2022, vol. 377, no. 6609, eabm4247, pp. 1–13. (In English).

Leschber C. Bulgarische Lexik in einem multifaktoriellen makrokomparativistischen Kontext. *Linguistique balkanique*, 2021, vol. 60 (1), pp. 40–51. (In German).

Leschber C. [An essay focusing on the classification of the language of ancient shepherds in Southeast Europe]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2021, no. 4, pp. 154–176. (In Russian).

Leshber C. [On the origin of some Bulgarian shepherd terms]. *Български език* [Bulgarian Language], 2022, vol. 69 (3), pp. 58–77. (In Bulgarian).

Mallory J. P., Adams D. Q. *The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world*. Oxford: Oxford University Press, 2006. (In English).

Manko V. A., Chkhatarashvili G. L. [Early Holocene Jvartskhma site in Western Georgia]. *Revista Arheologică*, 2020, vol. 16 (1), pp. 63–77. (In Russian).

Manko V. A., Chkhatarashvili G. L. [Sosruko site: Problems of interpreting of the chipped stone assemblages]. *Camera praehistorica*, 2021, no. 2 (7), pp. 36–57. (In Russian).

Manko V. O., Chkhatarashvili G. L. Transcaucasia and Neolithic of south of Eastern Europe. *Arheologia*, 2022, no. 2, pp. 19–52. (In English).

Mathieson I. et al. The genomic history of Southeastern Europe. *Nature*, 2018, vol. 555, pp. 197–203. (In English).

McGovern P. et al. Early Neolithic wine of Georgia in the South Caucasus. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, 2017, vol. 114 (48), pp. E10309–E10318. (In English).

Starostin S. A. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works in linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. (In Russian).

Tolstoy N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik Publ., 1995. (In Russian).

Tolstoy N. I. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1997, vol. 1. (In Russian).

Tsitsishvili N. G. [South Slavic — Georgian musical-ethnographic parallels]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1991, no. 2, pp. 114–123. (In Russian).

Vassilkov Ya. V. [Abkhaz story about chained Abryskil in the context of world folklore]. “Narty” i drugie ustnyye traditsii [Nart sagas and other oral traditions]. Sukhum: Abgosizdat Publ., 2020, pp. 40–60. (In Russian).

Vassilkov Ya. V. Heroes, kings and monsters in a cave under the mountain (Indo-Europeans and the Caucasus). *Journal of Indo-European Studies*, 2020, vol. 48 (3–4), pp. 445–470. (In English).

Wang C.-C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. *Nature Communications*, 2019, vol. 10, no. 590, pp. 1–13. (In English).

Zeder M. A. Out of the Fertile Crescent: The dispersal of domestic livestock through Europe and Africa. *Human Dispersal and Species Movement*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2017, pp. 261–303. (In English).

Zhordania I. M. [Folk polyphony, ethnogenesis and race genesis]. *Sovetskaia etnografiya* [Soviet Ethnography], 1988, no. 2, pp. 24–33. (In Russian).

Submitted: 07.08.2023

Accepted: 14.12.2023

Article published: 01.07.2024